

вовала импонирующая Северянину «двойственность» лирической героини Л. («Добро и зло равно доступны нам...»); кроме того, следуя традициям «фетовского» направления в русской лирике, Л. была не чужда языковому экспериментаторству, ее творчество отличается разнообразием стихотворных размеров, для него характерны вальсовые интонации. Не случайно около 100 стих. Л. положено на музыку, в т. ч. С. И. Танеевым, Р. М. Глиэром и др.

Соч.: Перед закатом. СПб., 1908; Тайных струн сверкающее пенье: Избранные стихотворения. М., 1994. Песнь любви: Стихотворения. Поэма. М., 1999.

Лит.: Михайлов Д. Очерки русской поэзии XIX века. Тифлис, 1904. С. 490–519; Гриневиц (Якубович) П. Ф. Очерки русской поэзии. СПб., 1911. С. 352–358; Бунин И. А. СС: в 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 289–290; Марков А. Ф. Лохвицкую называли «Русской Сафо» // Русская словесность. 1993. № 5. С. 79–81; Шевцова Т. Я. Поэтический язык Мирры Лохвицкой // Русский язык в школе. 1996. № 5. С. 70–77.

В. Г. Макашина

ЛОЩИЦ Юрий Михайлович [21.12.1938, с. Валегоцулово (ныне Долинское) Одесской обл., Украина] — прозаик, поэт.

Родился в украинско-белорусской семье; отец — выходец из крестьян, участник обороны Ленинграда и прорыва блокады, после войны работал в военной прессе, ушел в отставку в звании генерала. Мать — сельская учительница. В 1947 семья переехала в Москву, где Л. окончил школу и филол. ф-т МГУ (1962).

Стихи и прозу начал писать еще в средней школе, первые публикации — в коллективных сб. поэтов МГУ «Радуга» (1958) и «Открытая земля» (1959). Выбор писательского пути определило «общее для той поры романтически-преувеличенное представление о том, что литература способна самым решительным образом повлиять на всеобщую перемену жизни к лучшему» (**Автобиография**. Отдел новейшей лит-ры ИРЛИ). Любовь к худож. слову Древней Руси, ее культуре Л. приобрел благодаря учителям Н. И. Либану, В. Н. Турбину, а книги Астафьева, Белова, Распутина помогли «лучше понять трагедию, пережитую в XX веке русской деревней» (**Автобиография**).

Работал журналистом и редактором в газ. «Ленинское знамя» (1962–64), «Пионерской правде» (1964–65), «Учительской газ.» (1966–70), «Лит. России» (1990–94), ж. «Образ» (1995–97). В 1974–83 редактор серии «ЖЗЛ» изд-ва «Молодая гвардия».

С 2000 — редактор православного Интернет-сервера «Русское воскресение». Член СП СССР с 1980, с 2003 — секретарь правления СП России.

Для прозы Л. характерно желание литературно осмыслить подлинные исторические события и непридуманное человеческое судьбы, что проявилось уже в книге об украинском философе и поэте «Сковорода» (1972). «В округлом, выразительном слове Ю. Лощица открывалась история, выраженная в мировоззрении Г. Сковороды... понимание многих скрытых от глаз, но ясных сердцу движений разума и откровений духа» (Лыкошин С.— С. 98).

Известность писателю принесла вторая книга, написанная в жанре худож. биографии, — «Гончаров» (1977). Побуждая читателя пережить судьбу своего героя, Л. создал повествование о духовном пути писателя. Это был живой, свежий взгляд, открывавший человеческую сущность Гончарова, разрушавший идеологические схемы, которые десятилетиями складывались вокруг творчества классика. Центральной стала глава о романе «Обломов», где Л. вводит персонажа в мифологический, сказочно-фольклорный и библейский контекст, а также говорит о глубине и современности «проблемы Обломова»: «Обломовская мечта о „полном“, „целом“ человеке ранит, тревожит, требует ответа». По мнению Л., в романе Обломов выступает стороной не только критикуемой, но и обвиняющей, бросающей вызов самоцельному практицизму: «...человек, который всем своим существом укоряет суетный, узкопрактический, фальшиво-деятельный мир. Укоряет, прежде всего, тем, что наотрез отказывается от участия в делах такого мира».

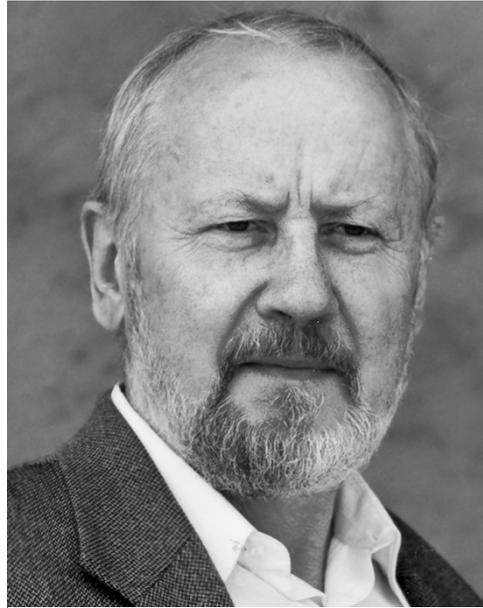
Книга «Гончаров», наряду с др. изд. в серии «ЖЗЛ» («Достоевский» Ю. Селезнева, «Островский» М. Лобанова, «Гоголь» И. Золотусского), оказалась в центре острых полемик о классике в начале 1980-х. После выхода передовой статьи «Революция, народ, история» в ж. «Коммунист» (1979. № 15), где автору инкриминировались «попытка идеализировать старину», «отступление от социально-классовых критериев», началась многолетняя критическая кампания по дискредитации книги и ее автора, в которой участвовали В. Бялик («противоречие с ленинскими оценками» // Вопр. лит-ры. 1983. № 1. С. 153), С. Вайсман («антидоброблюбовская трактовка обломовщины» // Новый мир. 1986. № 1), Ст. Рассадин, В. Кулешов, П. Николаев, В. Новиков, В. Баранов («Советская культура». 1987. 21 апр.), Ю. Су-

ровцев и В. Озеров. Ф. Кузнецов говорил о недостатках «Гончарова» в статьях «„Нигилизм“ и нигилизм» (Новый мир. 1982. № 4. С. 229–231) и «Истина истории» (Москва. 1984. № 7). С поддержкой книги выступили М. Лобанов и Д. Жуков (Биография биографий // Наш современник. 1979. № 9. С. 155–157). Концепция романа и его героя, данная Л., была воплощена в фильме Н. Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» (1979).

Книга Л. «**Земля-именинница**» (1979) — цикл лирических эссе, исторических очерков, рассказов о родной истории, топонимике, о единстве земли и народа, ею рожденного. Л. выступил как талантливый мастер слова — живого, богатого, мягкого, затрагивающего глубину человеческого сердца, волнующего душу. Книга была доброжелательно встречена критиками А. Разумихиным (Волга. 1980. № 8), В. Рыбаковым (Семья и школа. 1980. № 5), Ю. Селезевым (Златая цепь. М., 1985. С. 198, 275).

Худож. биография «**Дмитрий Донской**» (1980) воссоздавала целостную картину русской жизни XIV в. — культуру, быт, нравы. Ответственное отношение к историческому материалу, тщательное следование источникам обеспечили науч. ценность книги, в то же время худож. элементы сближают ее с классическим историческим романом: описание Куликовской битвы стало одним из лучших в русской исторической прозе. Показывая средневековый мир изнутри, автор помогал читателю войти в него. В монологах персонажей, отрывках летописей, авторских раздумьях приоткрывалось запретное для современников православное мирозерцание. В условиях жесткой цензуры и атеистического диктата Л., тем не менее, удавалось, используя несобственно-прямую речь, излагать даже основы христианской аскетики: «Бодрение и трезвение сердечное, постоянное умное делание — вот чего более всего не терпит враг».

Стержневой стала тема исторического испытания. В простом, сердечном слове, в размеренном движении сюжета, без ложной патетики, автор призывал современников перенять и сохранить энергию созидания, мужество в одолении препятствий, высшие достижения духа, присущие соотечественникам средневековой эпохи. Кульминация книги — лирический монолог-призыв автора, в котором различными интонациями Гоголя и Достоевского: «Слышите ли вы, други, нашу тризну?.. И вы слышите ли там, везде, по всему свету?.. Мы — будем! Хотите ли, не хотите, мы будем

Ю. М. Лощиц

жить, будем строить златошлемные каменные дива и прочные житницы, рожать детей и сеять зерно в благодатные борозды. Мы еще соберем добрых гостей со всего света, и никто не уйдет с русского пира несyt».

«Дмитрию Донскому» посвятили доброжелательные разборы Л. Демин, М. Антонов (Наш современник. 1981. № 5), В. Каргалов (Москва. 1982. № 2), В. Калита (Огонек. 1983. № 36), А. Любомудров (Север. 1986. № 12), В. Буганов (Роман-газ. 1989. № 9–10). Книга выдержала около 10 переизданий. В предисл. к американскому изданию (Монреаль; Нью-Йорк, 1993) тогдашний первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Виталий назвал книгу «шедевром русской исторической литературы» и отметил, что она вдохновляет «на подвиг любви к своей вере и попоранной Родине». В 1982 киностудия «Мосфильм» заключила с Л. договор на экранизацию «Дмитрия Донского». Кинокартину планировал снять Н. Михалков, но по личному распоряжению Ю. Андропова работа над фильмом была прекращена.

Романы «**Унион**» (Наш современник. 1992. № 10–11) и «**Полумир**» (Наш современник. 1996. № 10–12) по определению автора, «русско-сербская диалогия», действие которой происходит в Сербии, то в России. В первом из них совмещаются несколько исторических пластов: в текст введены историко-документальные повести о генерале Драже Михайловиче и четническом

Равногорском движении, о вожде первого Сербского восстания Георгии Черном, основателе королевской династии Карагеоргиевичей. Автор «присутствует» и в послевоенной сталинской Москве, и в Афганистане, оставаясь при этом в тесной каморке белградского отеля «Унион» в самый канун распада «униона» советского — СССР. Название второго романа тоже сербское: Полумир — маленькое селение в Сербии; слегка подвыпившие герои мечтают учредить в этом Полумире столицу всего славянского сообщества.

По мнению Э. Володина, «Унион» «можно рассматривать и как современное летописание о Сербии, и как традиционное для эпоса хождение за три моря русского героя» (Володин Э. *Время литературы*. С. 126); в «Полумире» критик выделяет «вставную поэму в прозе о любви и смерти», о которой пишет: «среди дешевки чувств и торжества физиологии родился гимн вечной и спасительной любви мужчины и женщины» (Володин Э. *Ответ перед Господом держать нам всем*. С. 135). Появление романа «Унион» в сербском переводе (Белград-Дервента, 1997) вызвало большое число откликов в югославской периодике (Калаич Др. *От Москвы до Равной Горы // Duga*. 1998. № 1702. Окт.; Морач М. *Судбинске параллели // Борба*. 1998. 26 марта и др.); М. Дайнолич говорит о необычности формы: «Хотя роман Лощица охватывает события и обстоятельства двух столетий, действительное время романа, написанного в стиле потока сознания и в монологах, длится от вечера до утра...» (Даноич М. *В сербском коло // Dnevni Telegraf*. 1998. 19 февр. С. 10).

Повесть Л. «**Послевоенное кино**» (Наш современник. 1999. № 11; 2000. № 2–3), посвящена детству. По мнению критика, это «одна из лучших православно определенных повестей нашей литературы последних десятилетий <...> Интонация книги — светлая, добрая, обнадеживающая — наполняет читателей светом и добротой, на которые так скупа наша чиновная и озлобленная повседневность» (Володин Э. *Доброта детства // Володин Э. Ответ перед Господом держать нам всем*. С. 7–9).

«**Пасха красная**» (Новая книга России. 2002. № 8–10; «Роман-ж. XXI век». 2002. № 7) — опыт Л. в древнем жанре паломнического «хождения», документальная повесть о встрече Пасхи в Иерусалиме, куда Л. ездил вместе с С. Лыкошиным, А. Сегенем, С. Куличкиным.

Лирик по характеру своего таланта, Л.— автор книг поэзии «**Столица полей**

(1990) и «**Больше, чем всё**» (2001). Заглавием для последней послужила строка из стих. «**Приметы любви**»: «...любовь — это все. Это больше, чем все». По убеждению автора, только силой бескорыстной любви мир удержится от распада и разрушения. В 1990-е наряду с привычной силлаботоникой Л. использует богатство ритмических возможностей древнерусской стиховой культуры, как книжной, так и фольклорной. Характерными для поэзии Л. этих лет становятся причеты («**Песня**»), плачи («**Прощание с Сербией**»), разговорные интонации. Постоянные темы поэзии 1990-х — боль за поруганную Отчизну, за обманутых, униженных соотечественников, которая выплескивается то в горьком плаче, то в призыве-лозунге, то в гневной, разящей тираде: «Не откладывая боле Суда! / Луканвующих паразит! / К Тебе вопият города / И села Твоей Руси!» («**Класс**»), «Ткни ледяной кастет / В рты похотливых газет. / Выгребни срам, / стыд, / Вымети глум, блуд!» («**Март**»).

Преимущественно напевная и печальная, поэзия Л. тем не менее называет своими отнюдь не поэтическими словами реалии удручающе-прогрессирующего мира. Тема возмездия, небесной кары реализована средствами буффонады, речитатива, раешного стиха, полифонии голосов и реплик в поэме «**Христос ругается**» (Завтра. 2003. № 50). Приведенные в Евангелии гневные слова Спасителя, обличавшего «порождений ехидниных», легли в основу образа «Ярого Ока, Спаса-Ругателя», истребляющего все нечистое: «Сутенерская сволочь Москвы, / что, нажрались девичьим мясом? / На тэфальном кругу / понесетесь вы / огненным свистоплясом».

Для стихов Л. свойственна не прямолинейная публицистика, но сердечное переживание, исполненное высокого трагизма: «По одному уйдем мы, не узнав / На ком из нас опомнится Россия» («**Юрий Селезнев**», 1994). Скорбь о потерянной славе родины, о ее обманутом и обманувшемся народе находит параллели в теме Сербии, ее трагической истории («**Прощание с Сербией**», цикл переводов с сербского «**Косово близко**» и др.). Символична горькая картина «похорон Родины», на которых присутствуют ее «бывшеграждане»: «все, кто пинал ее и в ключья рвал, / все, кто молчал, когда она стенала» («**Видение Родины // Завтра**. 2003. № 18).

Есть в лирике Л. и тихие созерцания, стихи о детстве («**Мама вносит с мороза белые...**») медитативные, молитвенные настроения («**У тонкого сна на краю...**»,

«Афон», «Свете тихий»), наполненные стихией света и чистоты. Нemoшь человеческой природы и устремленность души к небу, поднимающейся «до Божией мысли», выражены в цикле «Валаам». Стих. Л. включены в антологию «Русская поэзия. XX в.» (М., 2001. С. 881–882).

Л.— автор переводов с сербского отрывков из книги Драгиши Васича «Воспоминания о России», эпических песен из «Косовского цикла», стих. Джуро Кяшича, Десанки Максимович, Зорана Костича, опубликованных в кн. «Больше, чем все» и коллективном сб. «Над Сербией смилуйся Ты, Боже...» (Изд. Трифонова Печенгского монастыря, 2000).

Автор сценариев к телевизионным фильмам о святых Мефодии и Кирилле: «Солунский пролог» (1997) и «Торжество и смерть в Риме» (2001), а также «Старец Силуан Афонский» (2001).

«Гончаров» переведен на болгарский (София, 1983), «Дмитрий Донской» — на польский (Варшава, 1987), югославский (Белград-Приштина, 2000) и армянский, «Унион» — на сербский (Белград-Дервента, 1997) яз.; стих. из книги «Столица полей» переведил на сербский В. Ягличич.

Л. присуждались премии ж. «Огонек» (1982), «Наш современник» (за роман «Унион»), «Москва» (1999, за переводы сербской поэзии), премия им. А. С. Хомякова (2003), Большая лит. премия России (2003, за повесть «Пасха красная» и книгу прозы «Полумир»). В 1998 награжден Русской Православной Церковью орденом святого благоверного князя Даниила Московского III степени «во внимание к инициативе по воссозданию храма Христа Спасителя».

В начале 2000-х Л. работает над биографией святых Кирилла и Мефодия для серии «ЖЗЛ» (главы опубликованы в «Роман-ж. XXI век». 2004. № 4).

Соч.: Сковорода. М., 1972; Гончаров. М., 1977 и др. изд.; Земля-именинница. М., 1979; Дмитрий Донской. М., 1980 и др. изд.; Слушание земли: Исторические очерки, эссе. М., 1988; Столица полей: [Стихотворения]. М., 1990; Унион: Проза последних лет. М., 1995; Свидетельство: (Главы из книги) // Наш современник. 1995. № 9; Больше, чем всё. М., 2001; Полумир: Повесть, романы. М., 2003; Пасха красная // Путешествие в Палестину. М., 2004.

Лит.: Лыкошин С. Сердце у нас одно. М., 1984. С. 97–125; Любомудров А. Вечное в настоящем. М., 1990. С. 32–40; Володин Э. Бремя литературы. М., 1996. С. 125–129; Володин Э. Ответ перед Господом держать нам всем. М., 2002. С. 7–9, 134–138.

А. М. Любомудров

ЛУГОВСКОЙ Владимир Александрович [18.6 (1.7).1901, Москва — 5.6.1957, Ялта] — поэт.

Родился в семье учителя русской лит-ры; после 7 классов гимназии некоторое время учился в 1-м Московском ун-те, затем уехал в Смоленск и поступил в Полевой контроль Западного фронта, где заболел сыпным тифом, вернулся в Москву. В 1919 Л. становится курсантом Главной школы всеобщего, в 1921 окончил Военно-педагогический ин-т, в 1924 демобилизовался из Красной Армии. А. В. Луначарский опубликовал в ж. «Новый мир» 2 стих. Л.: «**Год двадцатый**» и «**Разведка**». Второе стих. в первом сб. поэта «**Сполохи**» (1926) получило название «**Дозор**». За «Сполохами» последовали книги стихов «**Мускул**» (1929) и «**Страдания моих друзей**» (1930), в которых достаточно ясно определилась творческая индивидуальность поэта.

Как в поэзии Н. Тихонова, Н. Асеева, М. Светлова, Э. Багрицкого и др. поэтов 1920-х, в первых трех сб. Л. основным является мотив героики и романтики революции и Гражданской войны, который станет центральным и во всем его последующем творчестве. Л. разрабатывает этот мотив в жанрах баллады или стихотворной новеллы, с присутствием им сюжетной динамики, драматизмом коллизий и волевыми ритмами. Характерным примером такой баллады является сразу ставшая знаменитой баллада «**Песня о ветре**» (1926) из сб. «Мускул», первоначально называвшаяся «**Обреченный поезд**». Образы ветра и песни станут ключевыми в поэзии Л. «Итак, начинается песня о ветре, / О ветре, обутом в солдатские гетры, / О гетрах, идущих дорогой войны, / О войнах, которым стихи не нужны. / Идет эта песня, ногам помогая, / Качая штыки, по следам Улагая, / То чешской, то польской, то русскою речью / За Волгу, за Дон, за Урал, в Семирежье». А дальше ведется лаконичный, до предела сжатый рассказ о гибели эшелона с колчаковскими войсками, символизирующей крах всего Белого движения. Поэт постоянно изменяет ритм и темп повествования, использует в нем т. н. телеграфный стиль («Широки просторы. Лунь. Синь»), вводит солдатскую песню, написанную в фольклорном духе («Россия ты, Россия, российская страна, / Соха тебя пахала, боронила борона...» и т. д.).

Являясь с первого сб. «Сполохи» членом лит. центра конструктивистов (ЛЦК), Л. и в «Мускуле» широко прибегает к т. н. «локальному принципу», пропагандируемому этой лит. группой. Суть этого принципа сводилась к использованию таких компактных